

24 апреля в Музее Владимира Маяковского в Москве состоялся поэтический вечер американского поэта Уильяма Дженя Смита, который вел Андрей Вознесенский. Корреспондент «ЛГ» А. Мартынова встретила с поэтами до начала их выступления и попросила поделиться мыслями о роли поэтического слова, рассказать, как будет строиться вечер, что чувствует поэт, представая перед читательской, часто совсем незнакомой ему, аудиторией.

СМИТ. Роберт Лоуэлл как-то сказал: «Изучать кого-либо можно или по-настоящему всерьез, или чисто интуитивно, мимоходом. Вещами, о которых вы спрашиваете, занимаются ученые; это их хлеб, их выдумки. Они — вполне допускаю — представляют определенный интерес, но противостоят рассудку. Я не люблю читать такие материалы, видеть писателя, которого понимаю, распростертым на операционном столе, наблюдать, как сознательно нагнетается скука... Уверен, что ты согласен с этим, и поэтому надеюсь, наша беседа будет иной. Хотелось бы просто поговорить, обменяться мыслями, ощущениями. А препарировать наше творчество предоставим профессора.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Думаю, диалог наш начался не сегодня. Он возник в незапамятные времена, когда ты перевел «Озу» и другие мои стихи, а я некоторое время спустя зарифмовал гул твоего «Поезда». Диалог ведут наши стихи. Они ведут диалоги и с Лоуэллом, и с Блоком. Они говорят о главном. Для поэта главное — в стихах. Поэтому и сейчас многое останется, конечно, за бортом нашего разговора. Наши поэзии не прекращают разговора. А вот мы с тобой давно не виделись.

СМИТ. Так поговорим о времени, когда ты переехал в Маяковский...

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. О времени через себя. Ведь у нас нет другого способа познать время, как только через себя.

На дворе — 80-е годы XX века. Двадцать лет осталось до конца столетия. Ощущается страшное напряжение времени, «уплотненность», как говорит наш астрофизик Н. А. Козырев. Чувствуется странная антисимметрия с двадцатыми годами. Тогда век начинался, сейчас — кончается. Нас с тобой в музее окружают вещи двадцатых годов...

СМИТ. Я видел в Центре Помпиду выставку «Москва — Париж, русское и французское искусство 20-х годов». Какая мощь! Звучит поразительно!

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. В то время, как мы говорим с тобой, в Музее имени Пушкина распаковывают ящики с экспонатами выставки «Москва — Париж». Она откроется в июне.

Одновременно в музее пройдут вечера поэзии и музыки.

В бурные 20-е годы загадывалось, каков он будет, XX век? Было время прогнозов. И искусство было таким. Сейчас видны итоги. Искусство пытается осмыслить, понять, каков был феномен культуры XX века, чем отличается он от веков XVIII и XIX. Страшно в том, что время чревато бедою — а вдруг мы увидим не конец столетия, а конец цивилизации? Человечество стоит на грани самоуничтожения. Это сказывается не только в глобальных масштабах, но и в каждом нерве, ячейке человечества, в семье, в личности. Поэтические вечера — эта традиция, рождавшаяся именно в XX веке и в нашей стране, — становятся все глубже, напряженнее, исповедальнее. Люди, каждый в своей судьбе, хотят осмысления, ищут корни, первопричину...

СМИТ. Да, пытаюсь отыскать корни и вернуться в свое детство, невольно оказываясь в начале нашего столетия. На прошлой неделе мне исполнилось шестьдесят три года, и

самому не верится, что за плечами уже две трети века. Я хотел бы увидеть XXI век, и если проживу столько же, сколько мой отец, то мне это удастся. Чтобы познать жизнь, поэт должен, моему, возвращаться к своему детству — этой бесценной сокровищнице. Точно так же можно многое понять в современности, оглядываясь назад — в первые годы нашего века.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Вчера я с интересом прочитал твою новую книгу «Мальчуган из гарнизона». «Нью-Йорк таймс» поместила ее в списке лучших

что мне удалось рассказать хоть что-то о нем. Его речь была певуча своим волшебным московским «а».

В прозу входят куски о моем военном детстве. Нас сформировали эти страшные военные годы. Я родился в Москве. Дворы Замоскворечья меня воспитали, это моя «малая родина». Посмотри, как душевны особенности московского ампира с интимными белыми, пилястрами! Москва стихийна по складу, порой сумбузна. Геометрия Корбюзье соседствует с азиатским цветением Казанского вокзала. История не абстрактна, она прорастает в нас, в наших генах, болит, проявляется сегодня. Мой прапрадед Палисадов был настоятелем Петропавловского собора. Именно он исповедовал Каракозова перед казнью. В ленинградском архиве я нашел рукописную записку его врага А. Ф. Сорокина, коменданта Петропавловской крепости: «На вопрос графа Шувалова Палисадову, что говорил преступник Каракозов на исповеди, тот ответил, что он как

номен в передаче действия, так же, как и юмора. Музыка Достоевского может быть переведена на другой язык, но родиться она могла только на русском.

Музыка пронизывает нашу поэзию. Поэтому и естественно читать ее вслух. Иногда, как ты знаешь, на вечерах перед англоязычной аудиторией я читал «Гойю» или «Мастеров» без перевода. Их музыку понимали. Я очень люблю колокольные звоны в «Поэтории» Родиона Щедрина. В опере «Юнона и Авось» замечательный композитор А. Рыбников связал стихию древних хоров с ритмами наших дней. Сюжет — трагическая любовь

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПОЭЗИЯ РАЗНОЯЗЫЧНА,

книг года. Что толкнуло тебя в мемуары?

СМИТ. Мой отец умер в 1974 году. Он был по профессии военным — музыкантом в армейском оркестре и большую часть жизни провел на западном берегу Миссисипи, к югу от Сент-Луиса, в Джефферсоновских казармах. Там я и вырос. Джефферсоновские казармы были первым постоянным военным гарнизоном к западу от Миссисипи. После отца остались фотографии этого гарнизона и кое-какие связанные с ним документы. Прочитав их, я понял, что тот уклад жизни был абсолютно похож на нынешний, на все то, с чем я сталкивался потом. И я решил написать о времени моего детства, прожитого в промежутке между двумя мировыми войнами, в сердце Америки, на землях, которые называют Американской поймой. Родился я в центральной части Луизианы, где впервые поселились родители моего отца. Предки по отцовской линии известные мне вплоть до начала XVIII века. Со стороны матери у нас в роду индейцы чокто, поскольку считается, что ее семья ведет свое начало от Мошалагубби, вождя племени чокто, которое наравне с черокезами было одним из важных индейских племен на юге. Получается, таким образом, что я стопроцентный американец. Когда я писал эту книгу, на моем столе лежала дудка, на которой играл мой дедушка с отцовской стороны, когда он находился на службе в армии конфедератов во время гражданской войны. Я понимал, что моя история — это одновременно и частичка истории моей страны, и мне было очень приятно, что это ощутили многие люди, прочитавшие книгу. Писатель Ралф Эллисон сравнил мою книгу с «Жизнью на Миссисипи» Марка Твена. Такое сравнение меня чрезвычайно порадовало: ведь я вырос на Миссисипи, и, кроме того, Марк Твен — один из моих любимых писателей.

Ты тоже, насколько мне известно, недавно обратился к своему прошлому. Твои воспоминания о детской дружбе с Пастернаком я прочитал в «Новом мире» с огромным интересом. Такое обращение к прошлому было важно для твоей работы?

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Я благодарен судьбе за встречу с Б. А. Пастернаком. Я рад,

духовное лицо не в праве говорить...» А предок со стороны матери был крепостным графа Шереметьева.

Это — послы к моей новой вещи.

СМИТ. Недавно Арсений Тарковский процитировал мне Фета, который сказал, что читатель найдет в его поэзии все, кроме прозы. В Соединенных Штатах за последние годы у многих молодых поэтов, как мне кажется, стало много прозы в стихах. Многие из их работ, написанные свободным стихом, кажутся мне не чем иным, как прозой, произвольно раздробленной на нервные строчки. Я не против свободного стиха, но он должен подчиняться музыкальному размеру, а большинство этих стихотворений не имеет ничего общего с музыкой, которая необходима в поэзии. Есть ли у вас что-нибудь похожее?

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Не верлибр — беда для нас. Проза, в смысле формы, нашей поэзии не угрожает. Про Ахматову было сказано, что в ней «крепкие прозы пристальной крупницы». Твардовский высокопрозичен. Мартынов, как и ваш Уильям К. Уильямс, работал на прозаизмах, но за ними стояло прозрение.

Плохо, когда печатно возоблаждает серое рифмоплетство, которое и не проза, и не поэзия.

СМИТ. В твоих стихах много ссылок на музыку, и немало твоих стихов переложено на музыку. Кроме того, насколько я знаю, ты написал либретто рок-оперы, основанной на твоей поэме «Юнона и Авось». Расскажи об этом подробнее.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Русская протяжная музыка языка идет от равнинных ландшафтов наших далей. Эта виолончельная нота звучит в долготу наших имен, отчеств и фамилий. Язык — мыслящая музыка. Думаю, язык это то, что предки называли душой, то, что остается мыслить после нас, сохраняя нашу жизнь в виде мысли. Разница языка говорит о различии психологического склада.

Известно, что русский язык более расположен к передаче психологического состояния, он непереводим и незаменим в пейзаже-настроении, в то время как английский более подходит к чувственным описаниям, эко-

Николая Резанова и юной дочери сан-францисского коменданта. В честь нее названа улица в Сан-Франциско. Сейчас М. Захаров репетирует оперу на сцене Театра имени Ленинского комсомола. Скажи, а были ли у твоих стихов встречи с музыкой?

СМИТ. На музыку положены многие мои стихотворения. На заре рок-н-ролла в одной из популярных антологий поэзии появилось мое стихотворение «Смерть джазиста», которое ты так блестяще перевел. Какой-то композитор украл у меня текст, во всяком случае начальные строки, а все оставшееся стихотворение переписал своими словами, точно воспроизведя мою идею, но принизив ее до предела. Мои стихи в твоём переводе начинаются так:

Я умер, но я слышу,
как летят
монетки в музыкальный
автомат.

В тексте рок-н-ролла, озаглавленном «День, когда я умер», эти строки выглядели следующим образом:

Мне снился сон,
что я умер под
звуки музыки из автомата.
Они бросали в гроб
блестящие монетки...

«День, когда я умер» был поистине ужасной пластинкой, но она разошлась миллионными тиражами. К тому времени, когда мне удалось выследить и поймать композитора-воров, компания, которая выпустила эту пластинку, уже перестала существовать. И теперь, когда я читаю свои стихи в Соединенных Штатах, я предлагаю слушателям оба варианта стихотворения — оригинал и версию в рок-н-ролле, которая всегда вызывает смех аудитории. И хотя я не зарабатываю денег на пластинке, теперь во всяком случае есть над чем посмеяться. И все же я завидую твоему «Барабану» — он прекрасно сделан и поэтому так всем нравится. Его поют везде, где я только не был.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Это ты должен адресовать талант Паулу. Стиль его песен грациозен и стремителен, как выражение конькобежца. Я воспринимаю песню как дизайн звукового пространства. Пикассо показывал мне несколько сде-